

П. И. Савельев

Ли́ки российской имперской государственности

Власть в человеческом
измерении

П. И. Савельев

**Ли́ки российской имперской
государственности. Власть
в человеческом измерении**

«Издательские решения»

Савельев П.

Лики российской имперской государственности. Власть
в человеческом измерении / П. Савельев — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-608760-6

Судьбы Российских самодержцев от Петра Великого до Николая Второго показаны как человеческое измерение верховной власти. Человеческие судьбы монархов с их переживаниями, увлечениями, достоинствами и пороками, обычные для жизни простых людей, становились судьбой огромной империи, ее многочисленных подданных.

ISBN 978-5-00-608760-6

© Савельев П.
© Издательские решения

Содержание

ЛИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГОСУДАРЬ-ТРУЖЕНИК ИМПЕРАТОР ПЕТР ВЕЛИКИЙ	9
«ВТОРОЙ ИМПЕРАТОР» ПЕТР II АЛЕКСЕЕВИЧ	13
ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА. ЖИЗНЬ И СУДЬБА	18
НА ГРАНИ ЭПОХ	
МАТУШКА ГОСУДАРЫНЯ ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Лики российской имперской
государственности
Власть в человеческом измерении**

П. И. Савельев

© П. И. Савельев, 2023

ISBN 978-5-0060-8760-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имперский период тысячелетней русской государственности, несомненно, имеет самостоятельное историческое значение и обладает своими особенностями, которые сложились во многом под влиянием личностных качеств занимавших российский трон монархов.

Империя в России была провозглашена Петром Великим, который заложил ее организационные и идейные основы – регулярность и полицейский характер государства, камералистская система государственной службы, европейский облик, быт и нравы элиты, первенствующая роль дворянства (шляхетства), державный характер внешней политики. Поэтому Петровская эпоха оставалась актуальным событием для всей двухвековой истории Российской империи. Этой Петровской парадигмы придерживались все его преемники на троне, как бы ни различались они по своему характеру, мировоззрению и умунастроению.

Все монархи, о которых идет речь в книге, считали себя представителями Дома Романовых – православной династии самодержавных русских царей, берущей свое начало от воцарения в 1613 г. Михаила Федоровича Романова. Строго говоря, чисто русскими людьми на троне были Петр Великий и Анна Иоанновна. Все остальные произошли от смешанных браков главным образом с германскими принцессами. Исключение составляли неясного происхождения супруга Петра Великого Марта Скавронская и супруга Александра III, датская принцесса Дагмара. Дважды российский трон занимали персоны, не имевшие никакого отношения к роду Романовых – Екатерина I и Екатерина II, но и они в полной мере выражали интересы династии, православной веры, государства и народа российского. Более того, при них иностранцы играли намного более скромную роль в государственном управлении, нежели, к примеру, при чисто русской императрице Анне Иоанновне.

Благодаря своим матримониальным связям, Романовы имели широкие и разветвленные родственные отношения с большинством европейских монархических домов, самым близким из которых был королевский дом Англии. Европейская культура, европейское платье, европейские языки прочно вошли в повседневную жизнь императорской фамилии. По европейским канонам строились воспитание и образование наследников престола. Безусловной необходимостью было знание трех иностранных языков – английского, немецкого и французского. Иногда к ним добавлялись еще польский и датский. Императорская семья и Двор задавали тон всему светскому обществу, где царила такая же тотальная европеизация и преимущественно французский язык, на котором изъяснялось благородное сословие, стремясь отличиться этим от массы народа, от средних и низших сословий.

Парадоксальным образом династия должна была в то же время демонстрировать и свою национальность, русскость. Это настроение в обществе резко усилилось после Отечественной войны 1812 года с ее Народным ополчением и широким партизанским народным движением. При Николае Павловиче была сформулирована знаменитая идейная триада, на которой держится Россия – самодержавие, православие, народность. По определению Н.М.Карамзина, самодержавие есть палладиум (оплот, защита, опора) России. С упразднением патриаршества, то есть с Петра Великого, самодержец стал еще и главой церкви. Правда сакральность абсолютной монархии от этого не только не усилилась, напротив, она резко понизилась и приближалась к нулю. Последовавшие за смертью Петра дворцовые перевороты, многочисленные «припадочные люди» – временщики – резко уронили престиж династии. С Екатериной Второй она

вообще, строго говоря, прервалась. Ее восстановил Павел Петрович, не случайно считавший себя чуть ли не основателем новой династии, что было недалеко от истины, потому что дальше вплоть до Николая Второго царствовало потомство Павла.

Монархическая государственность России по своей изначальной природе была народной, но у династии Романовых отношения с народом не сложились. Как известно, она утвердилась на троне, благодаря Народному ополчению Минина и Пожарского. Народ ее создал, но народ ее и уничтожил в 1917 году. Далеко не все государи понимали смысл петровского «государства общего блага». Как видно из представленных в книге характеристик, эта идея даже при Елизавете Петровне была искажена до неузнаваемости, не говоря уже о ее предшественницах (не успевший себя проявить Петр II не в счет). И хотя Елизавете удалось внести некоторое смягчение прежних жестоких порядков, а Екатерине Второй – придать им некоторый европейский лоск и даже законность и благочиние, напряженность в отношениях власти и общества нарастала.

Прекраснодушный Александр Первый пользовался поначалу популярностью, особенно в связи с Отечественной войной 1812 года, вызвавшей воодушевление и патриотический подъем в народе и в обществе, но затем променял ее на европейскую популярность, а военные поселения и «аракчеевщина» окончательно оттолкнули от него и общество, и народ. Николай Первый обладал иным характером. Он был сторонником порядка и жесткого централизованного администрирования. Будучи человеком долга, он, по сути дела, был последним популярным в народе царем. Он, не колеблясь, выходил к возбужденной толпе и умирал ее своим бесстрашием. Спокойствие и выдержку проявил он и в критический момент восстания дворян-революционеров на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. При нем власть сделала последнюю попытку завоевать интеллектуальное господство в обществе и первую попытку бороться с европейской русофобией на официальном государственном уровне. Следование «урокам» Карамзина и декабристов, выдвижение умных и деятельных сподвижников – М.М.Сперанского, В.П.Кочубея, П.Д.Киселева, Е.Ф.Канкрин, С.С.Уварова, признание и уважение со стороны гениальных современников – А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева, – все это свидетельства незаурядности фигуры Николая Первого. Однако, к концу его царствования Николаевская Россия превратилась в гигантский симулякр, в котором, по словам П.А.Валуева, «сверху был блеск, а внизу – гниль». В результате – поход Европы против России, поражение в Крымской войне и скоростная смерть императора.

Александр Второй взшел на трон в обстановке революционной ситуации в стране. Он попытался выправить положение путем широких и довольно радикальных реформ, настоящей буржуазной революции сверху и многого достиг на этом пути. Освободил крестьян, ввел самоуправление в деревне и в городе, либерализовал и даже демократизировал армию, судебную систему, финансы и образование, развернул строительство железных дорог, акционирование банковского и промышленного капитала. Эпоха «великих реформ» Александра II выдвинула немало талантливых и честных чиновников-реформаторов – братьев Н.А. и Д.А.Милютиных, С.И.Зарудного, А.В.Головнина, В.А.Татаринова и др. Сам Александр играл активную роль в реализации реформ, особенно самой сложной и фундаментальной – крестьянской. Душевное равновесие императора было нарушено выстрелом Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 г. Царь был шокирован тем, что на него, царя-освободителя, совершено покушение и стал склоняться к репрессивным методам борьбы с революционной молодежью. Отношения власти и общества зашли в кровавый тупик, выходом из которого стала гибель государя и террористов-народовольцев.

Александр III не сочувствовал либеральным шараханьям своего отца. Осуждал он и то, что свое увлечение фавориткой, княжной Екатериной Долгорукой, вещь довольно привычную в придворных кругах, Александр II превратил не только в скандальную жизнь на две семьи, но и в морганатический брак, что было совершенно неприемлемо для всей императорской

фамилии. Александр III удалил пассию отца от двора, убрал из власти его любимцев, прежде всего М.Т.Лорис-Меликова, а также ряд либеральных министров. Он не отменил ни одной реформы отца, но подверг их такой коррекции, которую считал необходимой для упорядочения государственной и общественной жизни. Так, было остановлено безудержное грюндерство частных железнодорожных и акционерных компаний, и строительство железных дорог стало делом государственным. Существенно поубавилась коррупция, принявшая при Александре II невиданные даже по российским меркам масштабы. Революционное народничество вступило в полосу кризиса, что обеспечило монархии несколько относительно спокойных десятилетий. Своей спокойной и миролюбивой политикой Александр III существенно повысил международный авторитет России.

Спокойная и размеренная жизнь в России стала быстро меняться при последнем русском императоре Николае II. Как и его отец, Николай не был семи пядей во лбу, но он оказался не способен поддержать даже тот порядок дел, который сложился при отце, не говоря уже о формировании нового, более соответствующего современной эпохе. Масштаб его личности не соответствовал этой задаче. Слабину молодого императора сразу же почувствовали те, кто вынужден был поутихнуть под могучей дланью Александра III. Возобновились старые коррупционные схемы, в которых активно участвовали члены императорской фамилии, активизировался иностранный капитал. Опрометчивое решение о введении золотого стандарта российской валюты резко усилило зависимость государственного кредита от иностранных золотых займов и, как следствие, сделало управляемой внешнюю политику царского правительства. Россию, управляемую столь недалеким и податливым монархом, провели сначала через горнило неудачной войны с Японией, а затем без труда втащили в агрессивный блок Антанта, в котором ей предстояло таскать каштаны из огня для своих «союзников».

Резко возросла конфликтность и взрывоопасность внутривластной обстановки в стране, и монархия Николая II не выдержала. Сначала возникла властная химера в виде монархического парламентаризма, т. н. Третьеиюньской монархии, а затем мировая война обрушила и самодержавие. Управленческие решения и шаги Николая II оказались по большей части своей неэффективными, он упустил те немногие шансы на спасение власти и самой собственной жизни (Столыпинские реформы, модернизация экономики и огосударствление банковской системы). Самым главным изъяном его правления было отсутствие собственного проекта развития страны, образа ее будущего.

ГОСУДАРЬ-ТРУЖЕНИК ИМПЕРАТОР ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Петр Великий относится к числу правителей с ярко выраженными чертами характера, сформировавшими его неповторимую и цельную личность. Вся история жизни Петра пронизана ими и соткана из их проявлений в конкретных ситуациях. Они оказывали определяющее влияние на его поведение и принятие им порой очень важных и даже судьбоносных для всей страны и народа решений.

Петр Великий рос активным и подвижным мальчиком. Однако очень рано любознательность его приобрела далеко недетский характер. Она имела ярко выраженный практический характер. Видимо в ответ на многочисленные расспросы ребенка князь Долгорукий привез ему в подарок из-за границы астролябию. Прибор довольно сложный. Из русских никто не мог объяснить Петру его применение. Нашелся голландец Тиммерман. Его пояснения повлекли за собой любопытство к точным наукам. С тех пор Петр всегда стремился докопаться до самых корней любого практического дела, которое его занимало. Таковы – кораблестроение, кузнечное дело, токарное дело, металлургия, градостроительство, мореплавание, строительство каналов, государственное строительство и многое другое.



Петр I. С картины В. Серова

«На троне вечный был работник», – написал А.С.Пушкин о царе. Петр Великий гордился своими мозолями и демонстрировал их своим молодым сподвижникам в качестве аргу-

мента к тому, что нельзя оставаться праздным наблюдателем жизни. Сам же не мог удержаться от личного вмешательства в любое дело, свидетелем которого становился даже случайно. Он упорно осваивал плотницкое дело на голландских и английских верфях и достиг высочайшего мастерства. Он возил с собой повсюду токарный станок и мог выточить сложнейшие изделия, вплоть до портрета. В многочисленных местах его пребывания, даже весьма краткосрочного, остались многочисленные вещицы и поделки, сделанные его руками.

Сторонник создания регулярного государства, он без устали трудился над созданием многочисленных инструкций-регламентов для государственных учреждений, включая фундаментальный Генеральный регламент, которого не было в иностранных государствах, с которых брался пример. Он «впрягался» лично в любое дело, распоряжался всем до мелочей и стремился проконтролировать, как исполняются его распоряжения.

Петра Великий был прост в общении, не любил пышных церемоний. Даже прием иностранных послов в Грановитой палате чаще всего проводил в простой повседневной одежде. Стоптаные башмаки, заштопанные женой и дочерьми чулки, старенький халат из китайской нанки, заношенный кафтан из грубой русской шерсти, который менялся с большой неохотой – вот повседневный наряд человека, считавшегося самым богатым и могущественным из государей того времени.

Не имевший богатого выезда царь, когда приглашали его на какое-либо торжество вроде свадьбы, одалживал экипаж у известного столичного щеголя П.И.Ягужинского, генерал-прокурора Сената. Приезжая в гости к вельможам или простым купцам и ремесленникам, Петр садился на любое место, ел вместе со всеми простую пищу, любил посидеть с иностранцами-моряками за кружкой пива и вести с ними разговоры о морских делах. Мог между делом или на пиру вести серьезные переговоры с иностранными дипломатами и решать серьезнейшие внешнеполитические вопросы, чем шокировал чопорных послов.

Простота его по отношению к людям невысокого звания, честно служившим Отечеству, была поистине отеческой. Но горе было тому, в ком царь заподозрил обман и неискренность. Здесь простота его обращалась в средневековую властность и даже жестокость. Чрезвычайная бережливость царя породила слухи о скупости Петра, однако это было не так. Меншиков имел великолепные дворцы, как и многие вельможи. Двор Екатерины Алексеевны блистал роскошью, и Петр поощрял это. Но сам он был скромнен и говорил, что вельможи за свои траты отвечают перед государем, а он должен будет за каждый рубль дать отчет Богу.

Чувство юмора, несомненно присущего Петру, было, по-преимуществу, грубым и обличалось многими тягостями для участников его диких забав. Самым знаменитым из таких примеров был «Всешутейший и всепьянейший собор» с шутовским князем-папой Никитой Моисеевичем Зотовым, первым учителем царя, во главе. Эта диковинная демонстрация, особенно на святки, потешала всю столицу. Это было высмеивание церковной иерархии в худших традициях народного скоморошества. Процессия из нескольких десятков саней, запряженных медведями, козлами, свиньями и другими животными, с участием самого царя и его сподвижников в изрядном подпитии, отправлялась на святки «славить» по дворам вельмож и богатых купцов. Нашествие свиты царя человек в двести были истинным бедствием для хозяина дома. При этом совершались неопишуемые кощунства и святотатства.

Петр Великий вообще старался во всякое торжественное действие вплести шутовское действие. Таким было экзотическое «самоедское войско» при триумфальном параде по случаю Полтавской победы, шутовская свадьба 70 пар карликов и карлиц, собранных со всей страны, сразу после бракосочетания герцога Курляндского с племянницей царя Анной Иоанновной, будущей императрицей и многие другие забавы веселого государя. Он, конечно, не дотягивал до inferнального юмора Ивана Грозного, но в народе снискал недобрую славу своими сатанинскими выходками.

Из раннего детства Петр вынес тяжелые впечатления и переживания, которые отразились на всей истории его жизни. Он обладал неуравновешенным нравом и легко впадал в недовольство и даже бешенство. Вспышки гнева Петра сопровождались оскорбительными манерами и физической расправой с неугодным. Однажды в тесной компании иностранных моряков он рассердился на болтливую собеседника, не дающего вставить ни слова, плюнул ему в лицо и ушел. Еще в молодости он на пиру у своего любимца Лефорта так возмутился поведением генерала Шеина, торговавшего офицерскими постами, что едва не заколол того шпагой. Лефорт, пытавшийся предотвратить расправу, получил ранение.

Знаменитой царской дубинки отведали многие вельможи, даже самые приближенные как Александр Меншиков. Петр наказывал своего любимца за гордыню и мздоимство. Обычно он заводил проштрафившегося в свою токарню, где хранилась дубинка, и хорошенько охаживал ею по спине. За неимением дубинки в ход шло все, что попадалось под руку. Так, астраханского губернатора А.П.Волынского он «поучил» тростью. Надо сказать, что битые вельможи и чиновники гордились этими наказаниями и в тот же день как ни в чем не бывало пировали с царем. Страшнее были припадки ярости, регулярно случавшиеся с Петром после пережитых потрясений детства. В такие моменты успокоить его могла только Екатерина Алексеевна, в руках которой он затихал и засыпал на пару часов, а затем совершенно был спокоен.



Петр I на псовой охоте. С картины В. Серова

Петр Великий умел быть жестоким, но жестокость его не была спонтанной. Кроме того, она была обычным явлением в том жестоком веке. Предшественники Петра тоже не были кроткими и мягкими. Отец Петра, царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, тем не менее не чурался расправ и пыток. При нем было издано Соборное Уложение 1649 года, которое отличалось жестокими наказаниями за разные преступления. Одно из них было применено к протопопу Аввакуму, сожженному в порубе по приказу царя. Петр начал свое царствование с поразившей москвичей жестокой массовой казни стрельцов на Красной площади.

Жестоко поступил царь с собственным сыном, не пожелавшим следовать политике отца. Царевич Алексей Петрович погиб при невыясненных обстоятельствах. Расправлялся Петр и с зарвавшимися чиновниками. Так, на виселице оказался сибирский губернатор князь Гагарин, петербургский губернатор Корсаков был подвергнут пыткам и публично высечен кнутом,

вице-канцлер Шафиров был приговорен к отсечению головы, был снят с плахи и отправлен в Сибирь. Даже любимая супруга Екатерина Алексеевна чудом избежала царского гнева. Предполагаемый любовник ее Виллим Монс был казнен, причем Петр демонстративно провез ее мимо тела казненного.

Петр никогда не чувствовал себя в полной безопасности. Самодержавная власть неограниченна, но не свободна от опасностей. История собственного воцарения убедила Петра, что надо всегда быть начеку. Он подозревал всех. Поэтому много внимания уделял своей Тайной канцелярии, филиал которой в виде Преображенского приказа действовал в Москве. Им командовал князь Ф.Ю.Ромодановский, именовавшийся князем-кесарем. Еще при отце Петра возник Приказ тайных дел, в который стекались все политические дела. Петр создал бюрократический аппарат с полицией, фискалами, прокурорами, рекетмейстерами и пр. Артикул воинский 1715 года и толкования Сенатом правила «слова и дела» выделяли расследования по «первым двум пунктам» – преступлениям против персоны государя.

Царь лично следил за ближайшим своим кругом. Он широко практиковал многочисленные пиры и попойки по самым малым поводам и внимательно слушал пьяные разговоры своих вельмож и иностранцев. Все должны были пить до потери сознания. Кто отлынивал, принуждался выпить штрафные несколько стаканов вина или «орла» – большой ковш сивухи. В этом Петр следовал обычаю Ивана Грозного, который выпытывал таким образом тайные помыслы своих бояр. Вообще из всех своих предшественников он более всего уважал Ивана Грозного. Сам Петр тоже пил, но никто не видел его напившимся до бесчувствия. Иногда можно встретить в литературе рассуждения об алкоголизме Петра, но это не соответствовало действительности.

История жизни Петра наполнена решительными и отважными поступками. При этом он был лишен всяческой показной бравады. Смелость в бою он продемонстрировал в Полтавской битве, где командовал войсками под вражескими пулями и ядрами. В 1714 году он лично участвовал в абордаже шведского флота в Гангутском сражении – первой морской победе России. Не раздумывая бросался Петр на помощь погибающим. При частых наводнениях в северной столице это случалось регулярно. Даже незадолго до своей смерти он бросился в ледяную воду Невы спасать терпящих бедствие и тем приблизил свою кончину.

Единственный раз самообладание изменило ему в Прутском походе, когда его армия оказалась заблокированной турками. Очевидцы сообщают, что Петр впал в отчаяние, метался по лагерю как полоумный, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Видимо это был один из припадков, случавшихся с Петром в минуту крайнего волнения.

Сохранилось немало речей Петра. Ему приписывают «Гишторию Свейской войны» со шведами. Вот одна из таких речей, в которой содержится его взгляд на собственную историю жизни и смысл его трудов: Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо, без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного.

Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем, – говорил Петр Великий. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчалось на меня с той поры, как задумал я ввести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабство, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть.

«ВТОРОЙ ИМПЕРАТОР» ПЕТР II АЛЕКСЕЕВИЧ

«Второй император» – такое прозвание получил будущий Петр II еще до своего воцарения. История его жизни – весьма поучительный пример того, как больно отзываются на потомках и на самой династии грехи и пороки, допущенные предками в делах семейных. Династия Романовых – ярчайшее тому доказательство.



Император Петр II

Появление на свет в царской семье второго Петра произошло в обстановке далеко не благоприятной, если не сказать хуже. К тому же он вовсе не знал материнской ласки, поскольку мать его скончалась через десять дней после его рождения. Отец его также не мог дать ему воспитания, поскольку весь был поглощен интригой, в результате которой он попал в опалу к своему отцу Петру Великому и окончил жизнь трагически уже два с лишним года спустя.

Истоки этой семейной драмы восходят ко временам царя Алексея Михайловича. Царь был женат дважды и имел большое потомство. Беда была в том, что потомство это разделилось на два враждебных лагеря – Милославских и Нарышкиных. Преемник Алексея Михайловича царь Федор Алексеевич еще кое-как сдерживал эту вражду, но со смертью царя она приобрела кровавые формы борьбы за власть.

Второй грех лежит на самом Петре, точнее на его матери, которая вынудила сына жениться на нелюбимой им Евдокии Лопухиной. Супруга оказалась «не в рост» Петру I, которого влекли кутежи в Немецкой слободе, заграничные странствия и длительные поездки по России, дела армейские, флотские и преобразования, которые жене были явно не по сердцу. Она была пострижена в Суздальском Покровском монастыре, но успела родить первенца – несчастного царевича Алексея Петровича, отца нашего героя.

Алексей воспитывался в среде, резко враждебной делам его отца и усвоил их негативную оценку. Он жалел о судьбе матери, слушал нашептывания тех, кто боялся открыто выступить против крутого на расправу царя, но надеялся взять реванш в будущем, когда войдет в силу его сын. Так Алексей сделался знаменем всех антипетровских сил из числа аристократии и духовенства. Ему внушили также и мысль о том, что весь русский народ смотрит на него как на последнюю надежду.

Чтобы царевич не закоснел в старорусских традициях, Петр решил женить его на иностранке. Тщетно царевич просил разрешить ему брак с православной русской. По воле отца он отправился в Европу и выбрал себе в жены кронпринцессу Софию-Шарлотту Вольфенбюттельскую, сестру будущей императрицы Австрии. В 1711 г. была пышная свадьба в Торгау. В 1714—1715 гг. Шарлотта родила дочь Наталью и сына Петра и вскоре отошла в вечность.

Петр Великий рассчитывал, что невестка станет его союзником в деле исправления сына, но жестоко ошибся. Она так и осталась кронпринцессой, отказалась принять православие и называла Россию чужбиной. Она заполонила свой двор наперсницами-иностранками и не вникала в дела и положение мужа. После ее смерти царевич взял себе в любовницы крепостную девку и пустился в бега за границу. Не найдя опоры при венском дворе, бежал в Неаполь и оттуда был доставлен графом П.А.Толстым к отцу.

Уже в Москве царевич был допрошен Петром, затем в Петербурге был подвергнут пыткам и осужден Сенатом на смерть. Высшее духовенство дало уклончивый ответ. При последнем застенке царевич испустил дух. Кто его добил, палачи или сам Петр, остается тайной. Позже сенаторы хотели бы стереть свои подписи под приговором, да слов из песни не выкинешь: цареубийцы. Сам же Петр Великий сделался сыноубийцей, а внук его и полный тезка, не достигши и трех лет, по вине деда сделался круглым сиротой.

Дальше все пошло наперекосяк. Дети Петра от Екатерины (Марта Скавронская) умирали во младенчестве, в том числе двое сыновей – Петр и Павел. Оставался один женский пол (дочери Анна и Елизавета). Пришлось срочно короновать супругу Екатерину Алексеевну и издать Устав о престолонаследии (1722 г.), в котором было провозглашено право монарха назначать наследника по своему усмотрению. Феофан Прокопович сочинил знаменитый трактат «Правда воли монаршей». Однако, дело пошло так, что никакие завещания не исполнялись.

В результате после смерти Петра Великого случилось небывалое: на престоле оказалась женщина, не имевшая с Романовыми никакого родства. Тут-то и зажглась звезда царевича Петра Алексеевича. Вокруг его двора сложился кружок приверженцев, торопивших события, во главе с воспитателем царевича Семеном Мавриным и княгиней Аграфеной Волконской,

душой компании. Вместе с братьями Бестужевыми они пытались действовать против Меншикова и Остермана, но проиграли.

Царственный отрок будоражил умы знати старой и новой. Отрицать его право на престол было невозможно. На этом особенно настаивал Остерман. Небольшая отсрочка в виде царствования всем податливой Екатерины I Алексеевны ничего не решала. Значительно прочнее казалась будущность молодого и энергичного подростка. Началась битва за второго императора. На горизонте замаячила война элит, и царевич стал игрушкой в их руках.

Это был одна из самых позорных страниц истории династии Романовых. Ее судьбу решали чужие и безродные, но ловкие и изворотливые Екатерина, Меншиков, Остерман... Последний предложил самый оригинальный способ примирить враждующие группировки: женить одиннадцатилетнего царевича Петра Алексеевича на семнадцатилетней тетке его Елизавете Петровне. Елизавета была хороша собой и нравилась мальчику, но Екатерина все же устыдилась и наложила запрет на неуместное предложения А.И.Остермана.

Начались происки Меншикова. Из противника он вдруг сделался горячим сторонником царевича, уговорил Екатерину завещать ему трон, поселил Петра Алексеевича в своем доме и обручил со своей дочерью Марией. Казалось, что цель была достигнута, но добился Меншиков только одного – царевич возненавидел и его самого, и его дочь. Екатерина согласилась нарушить волю и закон Петра Великого и согласилась на тестамент, который за нее подписала дочь Елизавета и который устанавливал порядок престолонаследия. В нем после царевича Петра шла очередь ее дочерей с их потомствами, но и этому также не суждено было сбыться. Роковая цепь событий уже была запущена и брала свое. Меншиков окончательно утратил рассудок и вскоре сам стал жертвой собственной глупости.

После кончины императрицы Екатерины I 6 мая 1727 г., Петр Алексеевич был провозглашен императором. Как говорилось в манифесте о восшествии на престол, 7 мая в присутствии Сената, Св. Синода, Верховного совета, генералитета и высших статских чинов произошло избрание императора согласно тестаменту (завещанию) Екатерины и наследственному праву, которым обладал великий князь. Следовательно, ни завещание Екатерины, ни закон Петра I уже не имели значения.

Маврина и другого учителя Петра, Ивана Зейкина, назначенного Петром Великим, отставили от молодого государя, и всем завладел Остерман. Это был опытный и сведущий во всех вопросах подковерной борьбы человек. Он скоро понял, что для того, чтобы овладеть помыслами великого князя, надобно подчинить себе и его старшую сестру Наталью Алексеевну, которая имела сильное влияние на брата.

Остерман разработал целую программу обучения и воспитания молодого императора. В ней предусматривались занятия по всемирной истории древней (Ассирийская, Персидская, Греческая, Римская) и новой (по Пуфендорфу), по географии по глобусу и ландкартам, по разделам математики и т. д. Предполагались также музыка, танцы, подвижные игры и прочее. Но все потуги Остермана разбились об неодолимую тягу мальчика к полевой охоте, ночным загулам по городу и т. п.

Вскоре начались конфликты и ссоры с Меншиковым, а через четыре месяца светлейший князь и генералиссимус российского войска пал. Его лишили чинов и наград и выслали в дальнее имение, а затем и в Сибирь, в Березов. Петр показал свой нрав, в чем получил полную поддержку сестры Натальи, тетки Елисаветы, всего верховного совета и всех ненавистников Меншикова, наконец, самого Остермана, который теперь не решался заикаться о скучных занятиях и занялся делами правительственными.

Но жестоко ошиблись те, кто считал себя верными сторонниками Петра II и на этом основании рассчитывали занять при нем видное положение. Ничего не получили Маврин и Бестужевы. Холодно был принят фельдмаршал Михаил Голицын, имевший неосторожность заступаться за Меншикова. Никакие заслуги не шли в расчет. Единственным способом при-

близиться к императору был фаворитизм. Самыми способными на это оказались князья Долгорукие, особенно гуляка князь Иван Алексеевич. Он-то и пришелся по душе юному императору. Ну и конечно же проказница и хохотушка семнадцатилетняя Елизавета Петровна.



Выезд императора Петра II и цесаревны Елизаветы Петровны на охоту

В феврале 1728 г. императорский двор торжественно въехал в Москву. Предстояли коронационные торжества. Здесь, в Москве, состоялась встреча Петра с его бабушкой Евдокией Федоровной Лопухиной, в монашестве Еленой. Этой встречи боялись многие, но попытка бабушки вразумить внука и склонить к более здоровому образу жизни не понравилась Петру. Он позаботился о ее содержании, но большой теплоты не выказал. Он по-прежнему практически не занимался государственными делами, не посещал Верховный совет, доверив все главным образом Остерману.

В сентябре 1729 г. Петр выехал на свою последнюю псовую охоту с Долгорукими и возвратился в Москву только в ноябре. Еще одно роковое событие. Вскоре было объявлено о пред-

стоящей женьтьбе императора на сестре фаворита Екатерине Алексеевне Долгорукой. Состоялось обручение, а затем все повторилось как с Меншиковым. Петр не любил Екатерину, которая была старше его (17 лет) и стал охладевать к Долгоруким.

6 января 1730 г. Петр, как полковник Преображенского гвардейского полка, участвовал в обряде водоосвящения на Москве-реке, и все увидели, что император нездоров. У него обнаружилась оспа. Болезнь отступила было, и он даже приоткрыл форточку в своей комнате Лефортовского дворца, но наступило ухудшение. В бредовом состоянии он выкрикнул последние слова: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре!» И испустил дух. Второй император скончался на пятнадцатом году жизни вслед за любимой и единственной сестрой Натальей, умершей годом ранее.

Злой рок, поселившийся в царской семье его прадеда царя Алексея Михайловича, усиленный грехами и пороками деда Петра Великого, привел к трагической и мучительной гибели его отца Алексея Петровича и вот докатился до него, не успевшего и нагрешить царственного отрока, пожрав его в столь юном возрасте.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА. ЖИЗНЬ И СУДЬБА НА ГРАНИ ЭПОХ

Императрица Анна Иоанновна производит впечатление яркой и неожиданной кометы, озарившей историю России пестрыми зловещими тонами. Ее непродолжительное, но памятное царствование стало своеобразным отражением эпохи Петра Великого в зеркале предыдущей эпохи, эпохи ненавистного ему боярского клана Милославских.



Императрица Анна Иоанновна

Анна родилась в январе 1693 года, а через три года, в январе 1696 года умер ее отец, царь Иван Алексеевич, Иван V. После смерти царя Федора Алексеевича, старшего сына царя Алексея Михайловича, остались два его младших брата – Иван и Петр. Матерью Ивана, так же как и Федора и царевны Софьи, была первая жена Алексея Михайловича Мария Милославская. Петр был сыном второй жены Тишайшего царя Натальи Нарышкиной. Два эти клана сцепились в смертельной схватке за трон.

Первоначально царем был провозглашен Петр, в обход более старшего Ивана. Хилый и «скорбный главою» Иван не был способен управлять делами в государстве. Это было очевидно всем. Петр же отличался живостью разума и отменным здоровьем. Казалось, выбор был очевиден. Однако, по проискам сестрицы их Софьи, которая подняла стрельцов, Иван был объявлен соправителем Петра, то есть Россия получила двух царей.

Софья сама рвалась к короне, хотя бы на правах временной правительницы и многого успела добиться. Правительство Нарышкиных пало, и она стала править страной. Однако, царями оставались ее братья, причем Иван не проявлял особого рвения к делам царства. Софья очень старалась рассорить братьев, но не преуспела в этом. Иван во всем уступал Петру и после того, как последнему удалось отстранить сводную сестру от власти и встать у руля государства.

9 января 1684 года, после обычных смотрин лучших девиц государства, Иван выбрал себе в жены девицу Прасковью Федоровну Салтыкову. На Москве поговаривали, что не обошлось без участия в этом деле правительницы Софьи, которая приблизила к себе отца Прасковьи Александра Салтыкова, который переименовал свое имя на Федора в честь и в память покойного государя Федора Алексеевича.

Любимым местом пребывания молодой четы было подмосковное село Измайлово, в котором любил в свое время бывать царь Алексей Михайлович. Здесь одна за другой с интервалом в год родились трое дочерей Ивана – Екатерина (1692), Анна (1693) и Прасковья (1694). Царь Иван Алексеевич являлся народу в таком же облачении, что и Петр, участвовал в приемах иностранных послов, его именем, наравне с именем Петра, подписывались все документы, но реальной власти он не имел и не хотел иметь.

Царица Прасковья Федоровна после кончины супруга также стремилась точно выполнять волю Петра даже по самым мелким делам, где требовалось его мнение. Это очень нравилось Петру, который принял на себя отеческую заботу о семье брата. В таком же преклонении и почитании дяди-царя воспитывалась с младых ногтей и Анна.

Дворовый быт царицы Прасковьи отличался особой набожностью и был заполнен всевозможными странниками и странницами, убогими, юродствующими, гадателями и гадальщицами и т. п. Ими были заполнены подклети кремлевского дворца царицы. По ее зову эти искатели милости собирались в Измайлово, где велись нескончаемые благочестивые беседы, изрекались пророчества. Особой благосклонностью пользовался некий подъячий Тимофей Архипыч, выдававший себя за истинного провидца.

Набожная Прасковья безропотно подчинялась воле своего деверя и государя и по его приглашению посещала Немецкую слободу, возила туда своих дочерей на танцы, переодевала их в немецкое платье, не противилась написанию с них портретов. В 1708 году Петр распорядился о переезде всех царственных особ со всем их скарбом и челядью в Санкт-Петербург.

Таким образом, самый нежный и впечатлительный возраст Анны пришелся на старорусскую семью, иноземные мотивы звучали там изредка и кратко. Жестокий «бунташный» XVII век с его церковным расколом и жуткими казнями еще властвовал над умами русских людей, формировал неокрепшие детские души девочек, которые не могли не слышать от старших о кровавых событиях и треволнениях, о запрещенных к упоминанию предках Милославских, о тетке их Софье и о многом другом, о чем мы сегодня и помыслить не можем.

Судьба трех сестер, которых в свете называли Ивановнами, сложилась по-разному. Старшую Екатерину Петр выдал за принца Мекленбургского. Младшая Прасковья, умершая в 1731 г., не вступила в официальный брак, а Анне предстояла великая участь. Не случайно, видимо, придворный пророк Тимофей Архипыч туманно намекал, а суздальский епископ Иларион прямо предрекал ей скипетр и корону.

Петр решил выдать ее за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма. Свадьба шумно игралась в Санкт-Петербурге в 1710 г. 31 октября во дворце Меншикова на Васильевском острове в полотняной походной церкви тогда еще архимандрит Феодосий Яновский совершил обряд венчания и произнес назидательное слово к герцогу на латыни. Праздничный стол запомнился огромными пирогами, которые вскрыл Петр, и из них выскочили два карлика и исполнили менуэт перед изумленной публикой.

Обычные для петровских пиров неумеренные возлияния погубили молодого герцога. Не успела молодая чета отъехать и на 40 верст от Петербурга, как супруг скончался, и Анна стала вдовой. По воле Петра она поселилась в Митаве и провела там долгих двадцать лет. Здесь она поначалу близко сошлась с русским агентом П.М.Бестужевым, отцом знаменитого позднее дипломата. Бестужев старший и познакомил ее с поднявшимся из самых низов (сыном конюха) Эрнстом-Иоганном Биреном.

И вот унижавшаяся перед Петром, Екатериной, Меншиковым и Долгорукими Анна сама стала вдруг самодержицей и властительницей. Здесь и проявились в полной мере черты ее опасного нрава. Десятилетиями копившиеся обиды, ревность и зависть вырвались наружу. Это были мелочные обиды и зависть. Анна выписала себе под бок своего сердечного друг Бирена, который тут же присвоил себе имя французского аристократа Бирона, над чем потешались во Франции. Это было так смешно, что не вызвало серьезного протеста.

Анна с удивлением смотрела на то, как перед ней плясали сначала верховники, затем шляхетство и гвардия. Какие-то кондиции, проекты, призывы и заклинания. Она сразу сообразила, что главное – это власть, которая сама плыла ей в руки, и все эти кривлянья людей, возомнивших себя вершителями судеб России, смеху подобны. Она подписала бы и еще более жесткие кондиции, лишь бы сесть на трон. И вот она императрица. Все заискивают, все ловят каждое ее слово, стараются угадать ее желания.

Мелочная и мстительная женщина с какой-то злобной последовательностью расправилась со своими «обидчиками», которые, между прочим, незадолго до этого вручили ей власть над страной. Более всего претерпели князья Долгорукие, которых расселили по самым дальним деревням, а затем заслали в Сибирь. Любимец Петра II князь Иван Алексеевич оговорил всю свою родню, но когда пришел страшный час казни, вел себя мужественно. Жестокость Анны не пощадила никого. Князь Дмитрий Голицын умер в Шлиссельбургской крепости.

Анна не лишена была чувства юмора. Она помнила свои детские впечатления от забав дяди своего Петра, устроившего на потеху двора и иностранных послов танец карликов на свадебном столе, а затем и свадьбу маленьких уродцев, на которую свезли пол-страны. Анна и сама устраивала такие свадьбы, среди которых более всего запомнился Ледяной дом, в котором игралась свадьба придворного шута Михаила Алексеевича Голицына и калмычки Анны Бужениновой, женщине, мягко говоря некрасивой.

Из разных краев России были свезены местные жители, по три пары от каждой. Из Москвы и подмосковья привезли женщин и парней, умеющих плясать, Из восточных окраин доставили татар, черемис, мордвы и чувашей с тем, чтобы они были собою не гнусны и одеты в свою национальную одежду, со своим оружием и со своею национальной музыкой. Выстроенный на Неве ледяной дом имел стены, окна, двери, всю внутреннюю мебель и посуду из льда. Даже брачное ложе для новобрачных было устроено на ледяной кровати. Это был последний год царствования Анны.

Вообще ходячее представление о мрачности двора Анны Иоанновны не соответствует действительности. Скорее наоборот. Следуя веселому нраву Бирона, который бывал «легок» в общении, двор наряжался в яркие цветные голубые и зеленые одежды и производил «канаречное» впечатление. Веселье было грубым и варварским, но ярким и разноцветным. Эта веселость шла об руку с жестокостью.

С воцарением Анны жестокость нравов вошла в обычай. Императрица превзошла в этом отношении и «бунташный» семнадцатый век, и своего дядю Петра Алексеевича. Он карал чаще всего за дело, она – из мстительности и иных мелких страстей. Таково дело кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. Волынский был несдержан на язык и сделавшись близким к особе императрицы возомнил о себе до того, что выступил против самого Бирона.

Издевательства над поэтом Василием Кирилловичем Тредьяковским, «продерзостные речи» об особе императрицы, которая якобы «приближает недостойных и отдаляет достойных», наконец, открытый конфликт с Бироном повлекли за собой быструю и жестокую расправу. Анна выбрала сторону Бирона, и Волынского предали жестокой казни – отрезали язык и вывели истекающего кровью на эшафот. Глава Тайной канцелярии генерал Андрей Ушаков с известным нам уже Иваном Неплюевым приговорили было его к посажению на кол, но Анна смягчила приговор, и осужденному просто отрубили голову.

Зловещая Тайная розыскных дел канцелярия во главе с генералом Андреем Ушаковым воскресила в памяти москвичей самые мрачные воспоминания о страшном Преображенском приказе и чудовищном его судье князе Федоре Юрьевиче Ромодановском, цепном псе Петра Великого. По улицам водили преступников, которые могли указать на любого встречного и произнести гибельные «слово и дело». Человека тут же хватали и волокли на расправу. Анна правила всеобщим ужасом.

Оборотной стороной этой жизни была небывалая роскошь двора. О его богатстве ходили легенды. Сюда стремились все авантюристы Европы. Пышным цветом расцвел фаворитизм. Императрица осыпала золотом и алмазами своих любимцев Бирона и Левенвольде. Малые крохи этих средств доставались полезным для государства ремеслам, образованию, науке и культуре. И все же от времени Анны Иоанновны остались итальянская опера, «Портфели Миллера», стихи Тредьяковского, сатиры Кантемира и гигантская фигура русского ученого Михайло Ломоносова.

Кто же управлял Россией? Судя по всем документам времен Анны Иоанновны и по собственной ее переписке, она практически не занималась делами управления империей. Ее занимали только удовольствия и мелочные интриги. Кабинет и коллегии тоже не вникали в дела. Исключение составлял один Миних с его армией и походами. Он-то и задался этим вопросом и, пораженный огромностью и многообразием страны и населения, ответил на него так: Россия имеет то преимущество перед другими государствами, что ею управляет сам Бог, ибо никому из людей это не по силам.

Однако такой человек был. И это не обер-камергер Бирон и не обер-прокурор Сената Маслов, и не канцлер Остерман, и не генерал-фельдмаршал Миних. Это придворный банкир и кредитор Исаак Липман. Он оказывал конфиденциальные финансовые услуги Анне еще в Митаве, а в обстановке централизованной системы ограбления Российского государства стал наиболее близким и влиятельным «другом» Бирона, который советовался с ним и прислушивался к его советам более, чем кого-либо.

17 октября 1740 г. Анна Иоанновна скончалась. Причиной была острая мочекаменная болезнь, так что предсмертные мучения ее были, несомненно, ужасны. Перед смертью она распорядилась престолом, утвердив специальным манифестом в качестве наследника двухмесячного сына своей племянницы, дочери старшей сестры Екатерины Мекленбургской, в православии нареченной Анной Леопольдовной. В браке с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейгским у них в августе родился сын Иван.

У одра умирающей Анны Иоанновны развернулась схватка за регентство. Анна утвердила Бирона. Едва появившись на свет, Иван VI Антонович, превратился в царственного узника, пережил не только свою мать, но и императрицу Елизавету Петровну и императора Петра III и при попытке освобождения его поручиком Мировичем был умерщвлен стражей Петропавловской крепости в соответствии с секретной инструкцией.

МАТУШКА ГОСУДАРЫНЯ ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Матушка-государыня Елизавета Петровна явила России, да и всей Европе, истинно женский лик верховной власти. Она была удивительно гармонична своей эпохе, все особенности, настроения, речи и поступки людей ее времени словно бы проистекали из черт ее характера. Она вступила на отеческий трон тридцати двух лет зрелым человеком со сложившейся жизненной позицией, привычками и пристрастиями, которым следовала все свои годы правления. После многих десятилетий грубости и нечеловеческой жестокости, как во власти, так и в обыденной жизни всех слоев и сословий, наступила эпоха небывалой прежде мягкости, неторопливости и спокойствия для страны и народа, без излишнего военного напряжения, грабительского выколачивания податей, публичных кровавых пыток и казней. Над измученной Россией словно выглянуло теплое и ясное солнышко. Будучи плодом любви великого Преобразователя и женщины из простонародья, Елизавета оказалась на троне, благодаря поддержке солдатских низов гвардии, то есть выходцев из простонародья. На протяжении всего своего царствования пользовалась она искренней любовью и почитанием в народе.



Императрица Елизавета Петровна

Елизавета родилась в подмосковном селе Коломенском 18 декабря 1709 года, ровно в тот день, когда победоносный Петр готовился въехать с триумфом в Первопрестольную. Получив весть о рождении дочери и отложив все дела, царь примчался в Коломенское и, на радостях, закатил большой пир в знаменитом деревянном дворце своего отца, вместившем всех победителей и приглашенных к столу пленных шведских офицеров и генералов.

Вопреки расхожему мнению, двор Петра был по-преимуществу русским. Появившись на свет в обстановке радости и веселья, цесаревна Елизавета обладала озорным и веселым нравом. Непревзойденная в танцах, раскованная в общении, искренняя в привязанностях, красавица Елизавета блистала на отцовских ассамблеях и на балах времен Петра II и Анны

Иоанновны. Все были в уверенности, что она была начисто лишена политических амбиций и не стремилась к власти.

Петр страстно хотел выдать дочь за французского короля Людовика XV, но этот брак не сложился, равно как и другие, вследствие разных причин. Епископ Любский не дожидаясь бракосочетания, прочие кандидаты в супруги цесаревны оказались жертвой политических интриг. Французская дипломатия, в лице посла в России Кампредона, вполне серьезно отнеслась к планам Петра, однако чопорный французский вскоре нашел желательные ему препятствия к браку. Заговорили о том, что принцесса родилась от женщины «подлого происхождения», не состоящей в официальном браке с царем. В результате Людовика XV женили на Марии Лещинской, дочери врага России польского короля Станислава Лещинского. С тех пор в претендентах на руку и сердце Елизаветы побывали принц Георг Английский, инфант дон Мануэль Португальский, инфант дон Карлос Испанский, герцог Фердинанд Курляндский, граф Маврикий Саксонский и немало иных. По досужим слухам, переговоры о сватовстве вел даже персидский шах Надир.

С воцарением Петра II Елизавета оказалась с ним ближе всех. Она способствовала отвращению молодого царя от семьи Меншиковых и погрузила его в любезную для ее веселого нрава обстановку игр, маскарадов, конных прогулок, охоты. Не по годам развитый Петр увлекся красавицей-тетушкой и не расставался с ней целыми днями. Однако, Елизавете не удалось удержать царя в своих руках. На их дружбу косо посматривали аристократы из Верховного Тайного совета. Верховники всеми силами стремились разорвать этот опасный союз. Вскоре Петр стал отдаляться от Елизаветы и под влиянием княжеской семьи Долгоруких, особенно князя Ивана Алексеевича, увлекся кутежами и прочими известного рода похождениями.

Елизавета перебралась в любимые с детства Александровскую слободу (бывшую резиденцию Ивана Грозного!), а также подмосковные села Покровское и особенно Измайловское (любимое село своей сестрицы, будущей императрицы Анны Иоанновны). Здесь она предавалась жизни легкой и простодушной, окружив себя «случайными людьми» вроде А.Б.Бутурлина и А.Я.Шубина. Слухи об оргиях и любовных похождениях Елизаветы и Бутурлина достигали Москвы и помогли ей избежать пострижения в монахини, о чем уже подумывали господа верховники. Избрав на трон Анну, они объявили в своем манифесте о том, что «мужское колено» со смертью Петра II пресеклось, и на престол возводится потомство царя Ивана Алексеевича. Тем самым они как бы отстраняли наследие Петра Великого и Екатерины I от престола навсегда, что означало, что ни Елизавета, ни ее голштинский племянник Карл-Петер-Ульрих, шансов на занятие трона в будущем не имели.

После воцарения Анны Иоанновны, за которое так ратовали верховники и которое оказалось для них губительным, Елизавета не проявляла никаких претензий на власть, чем совершенно успокоила двор подозрительной и жесткой Анны Иоанновны. Стички у нее с императрицей случались, главным образом, из-за красоты и блистательных танцев на придворных балах, чем она раздражала грубоватую Анну, но все разрешилось благополучно. Родственных чувств они взаимно не испытывали, хотя за праздничным столом Елизавету помещали рядом с императрицей. Около 1733 г. рядом с ней появился молодой певчий церковного хора, малороссиянин Алексей Разумовский, пленивший сердце царевны, которая знала толк в музыке и пении. Увлеченные безнаказанным грабежом страны иноземцы, столпившиеся у трона Анны, на какое-то время упустили из виду опасную для них претендентку.

Зато внимательно за Елизаветой наблюдали проницательные иноземные послы. Нельзя было не заметить, что прилежная воспитанница французского гувернера Рамбура и духовника о. Дубянского, Елизавета, с ее блестящим знанием европейских языков (особенно французского, которым она владела в совершенстве) и европейских манер и в то же время глубокой православной воцерковленностью вызывает растущий интерес как за рубежом, так и у патриотически настроенной русской гвардии. С нарастающим интересом наблюдали за ней и при ино-

странных дворах, строящих свои корыстные планы в видах ее скорого воцарения. Бурная европейская политика ее великого отца иных потеснила, у иных отняла бывшие доходные владения. Веселая и недалекая принцесса казалась им удобным орудием для достижения их далеко идущих планов. Поэтому они терпеливо ждали удобного момента, а пока мостили мостки к сердцу Елизаветы, которая до поры пребывала в забвении и, из-за скупости немецкого двора, постоянно нуждалась в средствах.

Ситуация изменилась со смертью Анны Иоанновны, возведением на трон младенца Ивана VI Антоновича, сына Анны Леопольдовны Брауншвейгской, и с переездом Елизаветы в Петербург. Она никак не участвовала в серии переворотов, произошедших после смерти Анны Иоанновны, но, как это ни странно, все временщики старались заслужить ее дружбу. Они словно бы заискивали перед ней. Бирон вел с ней долгие аудиенции и увеличил ей жалованье. Миних был так же отменно любезен с нею. Они знали о настроениях в гвардии и популярности дочери Петра Великого. Миних при свержении Бирона даже пытался манипулировать солдатами-гвардейцами, пытаясь связать Елизавету с Брауншвейгской фамилией. Елизавета благо разумно не отказывалась от бесед и увеличения жалования, но уже вела свою игру с иностранными дипломатами и гвардейцами.

Особенно активны были послы Франции (Шетарди) и Швеции (Нолькен). Посредником их сношений с Елизаветой выступал лейб-медик Лесток. Франции нужно было оторвать Россию от союза с Австрией, а Швеция надеялась с приходом Елизаветы к власти вернуть земли, отвоеванные у нее Петром, и даже объявила войну правительству Анны Леопольдовны. Все это оказалось пустыми хлопотами. В первом же сражении в Финляндии шведы потерпели поражение, а на вопрос Анны Леопольдовны, заданный Елизавете 23 ноября, о ее контактах с дипломатами и роли ее лейб-медика, Елизавета заявила, что с врагами своего Отечества никаких связей не имеет, а Лестока обещала допросить с пристрастием. Многоопытные канцлер А.И.Остерман и фельдмаршал Миних пытались предупредить заговор арестом Лестока и выводом гвардии из столицы в Выборг. Анна Леопольдовна решила припугнуть Елизавету «по-домашнему» и проговорила о предстоящих арестах. Вечером 24 ноября к Елизавете пришли гвардейцы и доложили о приказе на вывод гвардии. И тогда цесаревна решилась...

После полуночи 25 ноября 1741 г. она в кирасе и в сопровождении Лестока явилась в казармы гренадерской роты Преображенского полка, напомнила солдатам, чья она дочь и призвала их на помощь. Во главе отряда в 300 гвардейцев она нагрянула в Зимний дворец. По пути по Невскому проспекту отдельные отряды солдат врывались в дома вельмож и подвергали их аресту. Гвардейцы внесли Елизавету во дворец на своих плечах, и переворот мгновенно одержал победу. Анна Леопольдовна, со всей Брауншвейгской семьей, а также фельдмаршал Миних, были арестованы и отправлены во дворец Елизаветы у Марсова поля. Все присягнули новой императрице. Гвардейцы изрядно помяли фельдмаршала Миниха, пострадали дома особо ненавистных народу немцев, реальная угроза нависла над немецкими офицерами в армии.

Легитимность власти Елизаветы была абсолютной и непререкаемой. После чехарды на троне, устроенной иностранцами Бироном, Левенвольде, Минихом и Остерманом вокруг Брауншвейгской династии и младенца императора Ивана VI Антоновича, цесаревна Елизавета оставалась последней надеждой русских людей. Ее воцарение было воспринято как долгожданная русская победа. Взойдя на трон, Елизавета объявила о том, что вообще не желает вступать в брак. Тайно, по любви, обвенчалась она с Алексеем Разумовским в маленькой подмосковной церкви села Перово, но событие так и не получило официального признания. В этом вся Елизавета.

Национальная идея была главным легитимизирующим фактором ее власти. Она стала самой русской императрицей во всей династии Романовых. По примеру отца она крестила детей не только офицеров, но и рядовых солдат гвардии. В решительный момент она пришла

в казармы преображенцев. Рота драгун Преображенского полка стала ее лейб-компанией, а сама она приняла чин капитана драгунской роты.

Придя к власти, Елизавета приказала умерить роскошь двора и знати, дошедшую до невообразимых размеров при прежних царствованиях. Было определено, сколько и каких драгоценностей можно было носить, сколько ниток жемчуга полагалось дамам и какой ширины кружева были допустимы в воротниках и рукавах вельмож. Была умерена пышность похорон и свадеб, украшения из золота и серебра допускались лишь для таких торжеств, как свадьба наследника престола. Чтобы прекратить всякие толки и пересуды относительно престолонаследия и участия в нем потомства царя Ивана Алексеевича, связанные с отказом Анны Леопольдовны отречься от прав на престол за своих детей, Елизавета выписала в Россию своего племянника, принца Голштинского Карла-Петера-Ульриха, будущего Петра III, который 7 ноября 1742 г. был торжественно провозглашен наследником престола.

Елизавета способствовала смягчению нравов и устранению излишней жестокости, особенно в отношении женщин. Так, было решено более не отправлять жен преступников насильно в ссылку и каторгу за мужьями. К женщинам, приговоренным к телесному наказанию, запрещалось применять жестокие пытки и казни, вырывать ноздри и выжигать клеймо на лице. Однако, своего главного соперника, свергнутого императора-младенца Иоанна VI Антоновича, она приказала поместить в одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости на смерть. Причем, страже были даны инструкции на случай попытки побега или освобождения узника, прежде всего, его умертвить.

В елизаветинскую эпоху начинает формироваться светское общество, которое позднее стало именоваться высшим светом. Его становлению мешала обязательная служба, введенная еще Петром Великим. Тем не менее, начинается консолидация дворянского сословия. Оно постепенно вбирало в себя и аристократические слои, стремясь добиться монополии на владение крепостными душами, а также на определенные занятия. Елизаветинская эпоха подготовила знаменитый Манифест о вольности дворянства императора Петра III и дворянское законодательство Екатерины II.

При Елизавете развился фаворитизм нового типа. Алексей Разумовский, как и вся почти его многочисленная родня, вышедшая «из грязи в князи», в силу своей необразованности не оказывали на государственные дела никакого влияния. Исключение составлял Кирилл Григорьевич Разумовский, прошедший обучение за границей и назначенный затем не только гетманом Малороссии, но и президентом Академии наук, в составе которой была и Академия художеств. Иное дело новая генерация фаворитов в лице семьи Шуваловых. Это были государственные деятели и сподвижники императрицы. Наиболее активны были братья Петр, Иван и Александр Ивановичи. Петр фонтанировал идеями на финансовые и административные темы. Александр стал после смерти Ушакова начальником Канцелярии тайных розыскных дел. Иван Иванович прославился среди прочего созданием Московского университета – первого полномасштабного университета в Российской империи.

В то же время, нельзя не заметить, что с возвышением Шуваловых и Воронцовых в политической элите империи и в высших органах государственной власти, особенно в Сенате, внутренняя политика приобрела несколько иное направление, нежели то, на которое были нацелены указы начала правления Елизаветы. Новые лидеры тянули в сторону от петровских идеалов, особенно в части роли и значения благородного шляхетства Российского. Вместо идеи полицейского государства и неограниченной монархии, которую осуществляет бессловесная бюрократия, была выдвинута национально-патриотическая идея с русским дворянством как высшим сословием во главе. Дворянство добилось, наконец, участия в правительственной деятельности и уравнивания поместья с вотчиной и уже не помышляло о каких-то преобразовательных проектах в духе 1731 года. Значительно больше его занимало теперь стремление освободиться от обременительной пожизненной службы.

Сначала Елизавете пришлось вернуть отмененный было указ Анны Иоанновны о 25-летней службе дворян, затем смириться с тем, что в реальности дворяне и этот срок не отслуживали. Во-первых, дворянские дети с пеленок записывались в воинскую службу и к моменту взросления были уже офицерами, а во-вторых, чрезвычайно распространился обычай длительных отпусков, пребывая в которых дворяне-помещики жили в своих имениях. Они так зажились на вольных хлебах, что в 1756—57 гг. пришлось их силой вытаскивать на реальную службу в армию. Матушка-государыня уже не посещала заседания Сената, как в начале своего царствования. Упала надзорная роль прокуратуры. Она сама превратилась в предмет торга и извлечения выгоды, прежде всего, денежной. Служба из тяжелой повинности превратилась в доходное дело. Воеводы на местах сделались фактически пожизненными. За казнокрадство теперь не наказывали кнутом и не казнили смертью, как при Петре и даже при Анне Иоанновне. Теперь следовало внушение начальства, понижение в чине или перемещение на другое доходное место. Императрице оставалось только горько сетовать на столь порочные административные нравы, но на жесткие меры она уже не решалась, как и на общие преобразования устоявшихся порядков.

Первое из двух крупнейших дел царствования Елизаветы, были меры к развитию светского образования. Академические классы и университетские гимназии в столицах, а затем и в крупнейших провинциальных городах сдвинули с мертвой точки, застывшее было, дело Петра Великого о насаждении светского образования в России. Причем, к учению допускались как дворяне, так и разночинцы. Созданный в 1755 г. по проекту И.И.Шувалова и М.В.Ломоносова Московский университет был под личным патронажем императрицы и имел собственный суд и общий с Академией наук регламент. Между прочим именно в это время профессором Академии стал властитель дум целой Европы Вольтер, изъявивший желание написать историю Петра Великого.

Правительство Елизаветы принимало меры экологического характера, прежде всего, относительно сбережения лесов. Петр заботился о корабельных лесах. Теперь речь шла о лесах вообще. Елизавета, любимым видом отдыха которой было слушание лягушек на пригородных лесных болотах под столицей, приказала на двести верст от Москвы закрыть все стекольные и железоделательные заводы, работавшие на древесном угле. Была ограничена выделка смолы, которая гналась на экспорт. Постепенно исчезли почти все соляные варницы, на место которых пришла эльтонская соль, которую стали добывать в промышленных масштабах открытым способом и без выжигания лесов.

Загнанная в кризис петровскими реформами и последующими поборами временщиков страна при Елизавете стала постепенно выправляться. Наладилось более исправное внесение налоговых платежей, вследствие списания огромных долгов по подушной подати. Так, с крестьян были списаны недоимки за период 1724—1747 гг. в размере 2,5 млн. рублей. Подушная подать была понижена на 2—5 копеек. Значительно мягче стали меры по взысканию платежей на фоне общего смягчения социальной политики правительства. Правительство стремилось упорядочить производство и торговлю, отдавая целые отрасли на откуп отдельным промышленникам, купцам и особенно вельможам. Так, смолой торговал обер-егермейстер Нарышкин, звероловством на пустой Камчатке занимался купец Югов «сотоварищи», весь китобойный и тюлений промысел был отдан П.И.Шувалову. Доходный рыбный и икряной промысел на Волге и в Гурьеве, который был в ведении казенной конторы, в 1760 г. был отдан Яицкому казачьему войску, которое действовало помимо конторы.

Одна из главных статей дохода казны – винокурение – было в основном на откупе. Елизавета разрешила заводить трактиры, которые в Москве назывались «гербергами». В них кроме вина подавались чай, кофе, шоколад и сдавались комнаты с постелями. С них вносились солидные взносы в казну и полагались еще пожертвования на университет. Киево-Печерская лавра

угощала своих гостей собственным виноградным вином. Первым откупщиком табачного промысла был купец Матвеев. Иностранное вино и табак были вообще освобождены от пошлин.

Суконное производство процветало в Воронеже у купца Пустовалова, полотняное – в Новгороде у Шаблыкина. При поддержке правительства в Москве появилось производство брюссельских кружев, а также шелковых тканей, о чем особенно радела Елизавета. При ней впервые в России было заведено шляпное дело. Сначала шляпы для армии начал выпускать купец Гусятников, а затем привилегия на производство и продажу пуховых и шерстяных шляп была дана мастерам Черникову и Сафьянникову. Купец Тавлеев завел фабрику по производству красок. Англичанин Ботлер, а затем саксонец Леман открыли производство шпалер. Инициаторы новых производств получали от казны значительные кредиты сроком до десяти лет. При этом фабриканты обязывались обучать своему мастерству русских солдатских детей. В 1752 г. привилегию на фабрику разноцветных стекол, бисера и стекляруса получил М.В. Ломоносов. Ему же были выданы на обзаведение 40 тыс. рублей без процентов на пять лет и к заводу было приписано 200 душ крепостных крестьян. По предложению П.И.Шувалова были созданы первые в России банки – Дворянский (1753 г.) и Купеческий (1754 г.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.